

*Подлинная глубина проверяется
только ясностью смысла.*

*Уж если ты печатаешься,
стало быть, хочешь,
чтобы тебя читали,
а значит — поняли...*

(Веркор, «Плот Медузы»)

Анастасия Грицай

писатели, которых МОГЛО И НЕ БЫТЬ

Люди, о чьих литературных опытах пойдет речь, звезды вполне современные, и отнюдь не обделенные вниманием как профессионалы своего дела. Более того — они лучшие из лучших, интеллектуалы и признанные мастера. Их книги давно и широко известны на западе, но в России вышли лишь теперь. Кстати, это не воспоминания, а полноценные высокохудожественные романы.

Вуди Аллен

«Записки городского невротика, маленького очкастого еврея, вовремя бросившего писать» (Symposium, 2002)

Бессмыслица на бессмыслицу нанизываются миниатюрные рассказы, новеллы, записки; однако, по мере приближения к последней странице книга становится все любопытнее, глубже и, как ни странно, серьезнее. Пьеса «Смерть» поражает своей ужасающей правдоподобностью, несмотря на абсурдность сюжета. Да, в общем-то, все они очень реалистичны — от «Квитанций Меттерлинга» до балетных миниатюр. Даже когда Аллен рассказывает о том, как Смерть заигралась в кункен со своей жертвой, или как человек, проснувшись утром, обнаружил, что превратился в собственные подтяжки (заметьте, не в насекомое), а его попугай назначен министром сельского хозяйства (правда, об этом речь идет в двух разных отрывках)...

В принципе, нет ничего удивительного в том, что Аллен бросил писать (если верить названию романа). Этой книжки хватит надолго. Вся она состоит из афоризмов, абсурдных пассажей и недомолвок. Примерно то же самое мы видим в фильмах Аллена,

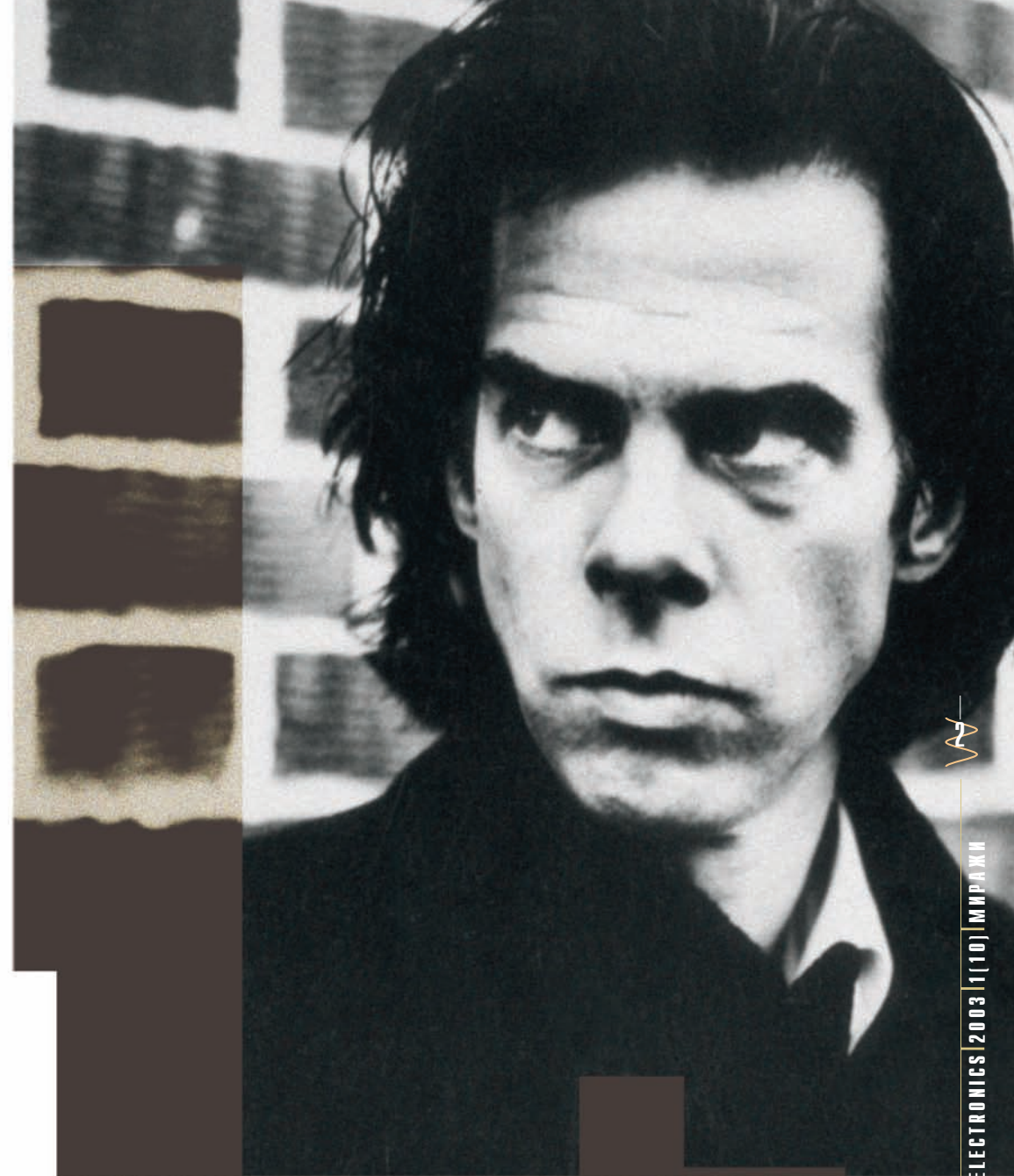
но на бумаге столь безумные откровения далеко не всегда могут встретить понимание. С литературой «Записки городского невротика» не имеют ничего общего, и не будь Вуди Аллен Вуди Алленом, вряд ли книга увидела бы свет и тем более «сработала». Чтобы получить представление о «писателе» и его писании, достаточно открыть книгу на любой странице — не обязательно даже искать начало той или иной зарисовки. Это квинтэссенция мировосприятия Аллена. Хотя без кинематографической поддержки сей литературный опыт выглядел бы абсолютно бессмысленным (но отнюдь не беспомощным).

Автор нападает в своей излюбленной манере, защищаясь изо всех сил. Что могло вызвать такой испуг? Да все. Аллен настолько боится жить, что ему приходится постоянно бороться — за существование, осмысление, адаптацию и т. д. Для него это единственно возможный способ *быть*. «Записки городского невротика» изумительно достоверны. Спасибо переводчикам за безупречное прочтение феномена Аллена-литератора. Аллен — режиссер, актер и писатель — целостный образ, в рамках которого не наблюдается никакого диссонанса. В принципе, если Вуди станет выпускать книги так же часто, как фильмы (примерно раз в год) — эффект, надо полагать, будет тот же, поскольку все его творения являются попытками приспособиться к миру. А как известно, такие, как Аллен Стюарт Кенигсберг, никогда не находят общего языка с действительностью и редко успокаиваются. Режиссеру уже шестьдесят семь, но снимать меньше фильмов он не стал. И по понедельникам, как и прежде, играет на своем кларнете в клубе на пересечении Мэдисон-авеню и 76-й стрит. Как справедливо заметил в «Преуведомлении» к изданию В. Петров, «Шестнадцатилетний <...> кларнетист-любитель и сочинитель юмористических скетчей изобрел для себя особую профессию под названием “вуди аллен”». Неплохой способ выживания в повседневности придумал этот «маленький очкастый еврей» — удобный для себя и увлекательный для остальных.

На самом деле Аллен очень хитер: ведь он ничего не придумывает, ничего не создает — просто говорит от первого лица: «Бога нет. А в выходные даже водопроводчика не доищешься!».

«Является ли искусство зеркалом жизни, или чего?».

«Вселенная есть просто идея, мелькнувшая в разуме Бога, — весьма неприятная мысль, особенно, если вы только что внесли первый взнос за дом, купленный в рассрочку».

Такие вот «банальные» афоризмы.

Впечатление от этой книги очень предсказуемое, она во многом схожа с фильмами ее автора. А вот творения двух выдающихся музыкантов обескураживают неожиданным совершенством в области литературы — абсолютно отличным от музыки виде искусства с иными способами выражения.

Сверхчеловек: изгой и извращенец

Нам известны как минимум три схожих сильных произведения в современной литературе, когда герой дьявольски талантлив, но изгой, а героиня неизбежно становится жертвой, хотя могла быть спасением.

У Роберта Шнайдера в «Сестре сна» это человек, обладающий патологически идеальным слухом; у Патрика Зюскинда в «Парфюмере» — аналогичным обонянием; у Джона Фаулза в «Коллекционере» — обостренным ощущением красоты. В книге Ника Кейва герой — такой же «выродок», только его история (написанная примерно в это же время) — притча больше по форме, чем по содержанию. Все главные герои этих книг собственники и стремятся обладать максимальным количеством «прекрасного», они жаждут наивысшего блаженства, ищут успокоения, и ни один не способен справиться со своим даром (вследствие чего погибает). За какие-то десять-пятнадцать лет австриец, немец, англичанин и австралиец так похоже и все же по-разному успели рассказать об одном и том же явлении, вернее — существо; по сути — сверхчеловеке. Как бы далеки от литературоведения вы ни были, сходство между этими четырьмя книгами очевидно. Оно становится явным уже с первых страниц, на уровне завязки сюжета, имен персонажей, стилистики. И только Фаулз не боится современного бытописания, остальные предпочитают на столетие, а

*Бога нет.
А в выходные даже
водопроводчика не доищешься!*

то и два-три уходить в прошлое. Откуда такая тяга к гротеску и иносказанию? Неужели человек в конце XX века не способен разглядеть в ближнем существо, требующее внимания и понимания только потому, что оно есть. Зачем рисовать монстра?

Для наглядности, конечно.

Ник Кейв и Леонард Коэн

Попытка сравнительного анализа

Их герои — люди одинокие, неординарные, рефлексирющие, не нашедшие себя в действительности. Да, нечто похожее уже было, но все же у этих писателей тема подана несколько иначе. Во-первых, авторы сделали полноформатные романы; во-вторых, они — музыканты, привыкшие рассказывать истории под музыку.

Юкриду суждено было по рождению и по созданной Кейвом эстетике стать изгоем, Бривман сам выбрал такой путь. В первом случае — гротескный мир триллера, во втором — реальная Канада 50-60-х; но оба автора говорят об одном: не у каждого есть место в этой жизни. И если его нет — человек несчастен. Обе книги повествуют о несчастье и одиночестве: у Кейва — безысходных и предопределенных, литературно условных и потому, возможно, не столько ранящих читателя, сколько увлекающих и пугающих; у Коэна — абсолютных, но не неизбежных, очень жизненных и понятных. Он — исследователь, он в поиске. **«Любимая игра» (Revolution N9, 2002)** — в некоторой степени самоанализ. Кейв в своей **«И узре ослица Ангела Божия» («Иностранная литература», 2001)** выступает как анатом психического отклонения, извращенного сознания и порожденных им фантомов; но он отнюдь не ищет выхода, поскольку не видит в Юкриде проблемы. Он иллюстрирует ситуацию, неизменно утрируя ее, просто показывая НЕ ТАКОГО, КАК ВСЕ, ЧЕЛОВЕКА, который не виноват в этом. И все же его герой, будучи не таким, как мы, очень на нас похож.

Фантастика, триллер — жанры, где полет фантазии может устремиться в любом направлении. Кейв использует воображение, насколько ему позволяет талант, а рамки жанра лишь бла-

гоприятствуют этому. У Коэна в условиях избранной им реалистичной формы задача сложнее. Чтобы заинтересовать читателя, ему необходимо быть оригинальным в банальном — в рассказе о жизни самого заурядного для своего времени и места проживания персонажа. Сама история рождается «без мучений», поскольку во многом автобиографична. Кроме того, Коэн интригует неординарной подачей, и потерянный человек привлекает к себе внимание уже не только как герой «романа воспитания». Оставаясь типичным, Бривман выглядит крайне любопытно — отчасти потому, что представляет его очень известный музыкант из Канады, чьи песни давно известны во всем мире.

Безусловно, эти книги любопытны из-за их авторов, людей, работающих в ином виде искусства и имеющих в нем завидную репутацию. Однако и Коэн, и Кейв писали свои романы, отнюдь не являясь знаменитостями. Первый напечатал «Любимую игру» и «Прекрасных неудачников» в 60-х, еще не выпустив дебютный альбом; второй издал свой триллер в 80-х, до шумного успеха своих панк-баллад. Но даже принимая во внимание нынешний статус авторов, их книги — самоценные и выдающиеся произведения. Более того, каждое из них гармонично вписывается в музыкальное пространство, созданное автором, и идеально дополняет его, набрасывая новые детали. Безумная, полная ужасов жизнь Юкрида звенит отголосками баллад-страшилок главного австралийского панка; отрешенность и неприкаянность Бривмана сродни переживаниям лирического героя проникновенных песен Коэна.

Последний переписывал роман несколько раз. Кейв тоже долго и мучительно работал над своей первой книгой. Много лет спустя и тот и другой обратились к Богу — каждый к своему: жизнь в буддийском монастыре или изучение Библии, не все ли равно. Легче всех было Аллену, которому терять нечего, поскольку он и без того чрезвычайно многословен в кино — не успеваешь выпустить один фильм, как тут же снимает другой. И все его герои говорят-говорят-говорят...

* Речь идет о книге «Аквариум как способ ухода за теннисным кортом» Всеволода Гаккеля, интервью с которым было напечатано в «Art Electronics» N 3 (4), 2001.